

ГРАФ С.С. УВАРОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

COUNT S.S. UVAROV IN THE HISTORY OF RUSSIAN CONSERVATISM

A. Meshcheryakova

Annotation

The article is an social and political outlook of count S.S.Uvarov, an orientalist, outstanding statesman of the Emperors Alexander I and Nicholas I's reigns, the author of a famous triad "Orthodoxy. Autocracy. Nationality". The article focuses on the role of count S.S. Uvarov in the establishment of the Russian Conservative ideology.

Keywords: Russian Empire, state ideology, "Orthodoxy. Autocracy. Nationality", conservatism, S.S. Uvarov.

Мещерякова Арина Олеговна

К.и.н.,

*Воронежский государственный
университет*

Аннотация

В статье исследуются общественно-политические взгляды графа С.С. Уварова – ученого-востоковеда, крупного государственного деятеля в царствования императоров Александра I и Николая I, автора знаменитой триады "Православие. Самодержавие. Народность". Особое внимание в работе уделяется роли С.С. Уварова в становлении идеологии русского консерватизма.

Ключевые слова:

Российская империя, государственная идеология, "Православие. Самодержавие. Народность", консерватизм, С.С. Уваров.

Имя графа С.С. Уварова неразрывно связано со знаменитой триадой "Православие. Самодержавие. Народность", ставшей своего рода формулой русского консерватизма. Ученый-востоковед, получивший европейское признание, крупный государственный деятель, увенчавший свою карьеру должностью министра народного просвещения (1834–1849 гг.), наконец, идеолог Николаевского царствования, С.С. Уваров с середины XIX в. неизменно привлекает к себе внимание исследователей. При этом интерес к его идейному наследию значительно слабее, чем к различным аспектам государственной деятельности. Несмотря на обилие литературы о знаменитом министре народного просвещения, тема "С.С. Уваров как идеолог русского консерватизма" по-прежнему не может считаться вполне изученной.

Сергей Семенович Уваров родился в 1786 г. в семье подполковника конной гвардии Семена Федоровича Уварова, флигель-адъютанта и фаворита Екатерины II, которая и стала крестной матерью будущего министра народного просвещения [2, стб. 2104]. В ходе русско-шведской войны 1788–1790 гг. С.С. Уваров лишился своего отца, поэтому с раннего детства он оказался на попечении матери – Дарьи Ивановны, урожденной Головиной и ее сестры, в замужестве княгини Н.И. Куракиной. Последняя постаралась дать своему племяннику хорошее домашнее образование, однако вполне традиционное для русской аристократии конца XVIII в. Так, главным наставником юного С.С. Уварова был французский эмигрант аб-

бат Манген. Он привил своему воспитаннику тягу к европейской культуре и образованию, развил в нем утонченный вкус, а также внушил ему ценности "старого порядка" [4, с. 7]. С.С. Уваров с детства демонстрировал незаурядные способности к учебе. Как писал один из современников С.С. Уварова, в целом не склонный к его апологетике Ф.Ф. Вигель, "мальчик был от природы умен" и "отменно понятлив в науках", "говорил и писал по-французски в прозе и стихах, как настоящий француз" [3, с. 765].

С. С. Уваров. (1833 г.)

И хотя домашнее образование, полученное С.С. Уваровым, отличалось скорее блеском, нежели глубиной, тем не менее, этого было достаточно, чтобы поступить в пятнадцатилетнем возрасте на престижную дипломатическую службу [30, с. 97].

Во время службы в Коллегии иностранных дел С.С. Уваров был отправлен на учебу в Геттингенский университет (1803 г.) [7, с. 218] – одно из лучших учебных заведений Европы. Учеба за границей и полученные затем назначения в русские посольства в Вене и Париже (с 1806 по 1810 г.), способствовали не только углублению знаний и расширению культурного кругозора молодого человека, но и окончательному складыванию интеллектуального фундамента его личности. Во время пребывания в Вене С.С. Уваров был вхож в круг европейской культурной и политической элиты, обосновавшейся в столице Австрийской империи. Русский дипломат был знаком и общался с графом Л. фон Конбенцелем, князем Ш–Ж. де Линем, бароном К. фон Штейном, графом К.О. Поццо ди Борго, мадам Ж. де Сталь, братьями Августом и Фридрихом фон Шлегелями. Годы спустя, сделав головокружительную государственную и научную карьеру, С.С. Уваров написал воспоминания о знаменитых европейцах, с которыми он общался в пору своей молодости [19; 20; 26]. Для молодого человека, воспитанного на образцах западной культуры, годы дипломатической службы в Европе стали временем дальнейшего развития его культурного западничества, которому в общих чертах он был верен до конца жизни.

В год своего возвращения на родину С.С. Уваров написал и затем издал на французском и русском языках первую научную работу – "Проект Азиатской академии" [26]. Автор трактата подчеркивал, что Россия, имеющая обширную сухопутную границу с Азиатским регионом, как никакая другая страна должна иметь серьезную политическую заинтересованность в исследовании Востока. Однако, несмотря на всю очевидность этого, среди всех европейских государств именно в Российской империи, по словам С.С. Уварова, "меньше всего уделяют внимания изучению Азии" [26, с. 69]. Помимо практических целей "азиатские исследования" должны способствовать сближению и взаимообогащению восточной и западной цивилизаций. Ведущую роль в реализации этой цели С.С. Уваров отводил России [26, с. 69–78]. Значение изучения Востока имело и антимодернистские задачи. Автор проекта считал, что обращение к истории и философии традиционалистского Востока окажет несомненную услугу европейской цивилизации – поможет ей свернуть с пути господствующего рационализма и кровавых социальных потрясений, на котором она сейчас находится. "Мы призваны защищать огромные развалины, восстанавливать, а не строить новое здание" [26, с. 79], – заключал С.С. Уваров, выражая тем самым главный принцип консерватизма: сохранение и продление тради-

ции.

"Проект Азиатской академии" получил широкую известность, как в Европе, так и в России. Этот трактат высоко оценили Наполеон, французский ориенталист Лангле, великая княгиня Екатерина Павловна, Фридрих Шлегель, Гете, Жозеф де Местр. Последний, кроме прочего, высоко оценил нападки молодого ученого на XVIII столетие как "самую постыдную эпоху человеческого духа" и его отважную проповедь "добрых старых принципов" [4, с. 34]. Основные положения "Проекта Азиатской академии" впоследствии нашли отражение в ряде других сочинений, вышедших из-под пера С.С. Уварова [27, с. 251–260; 17, с. 361–364]. Примечательно, что он не только всегда теоретически доказывал необходимость глубокого изучения Востока, но и приложил немало усилий для практического внедрения ориенталистики в систему отечественного образования и науки. В 1843 г. в юбилейном отчете о результатах деятельности Министерства народного просвещения под своим руководством он отмечал, что "иностранные ученые, еще недавно обвинявшие Россию и втайне, и гласно в недостатке основательных изысканий о Востоке, ей сопредельном и подвластном, теперь единогласно и с изумлением прославляют учреждения правительства русского и услуги, оказанные учеными России по этой части в такое короткое время и с таким несомненным успехом" [17, с. 364].

Женитьба в 1810 г. на Екатерине Алексеевне Разумовской – дочери тогдашнего министра народного просвещения графа А.К. Разумовского – открыла перед С.С. Уваровым (не имевшим ни состояния, ни связей) богатые возможности. В первую очередь это способствовало началу его стремительного карьерного роста. Так, уже в конце 1810 г. С.С. Уваров был назначен попечителем Санкт–Петербургского учебного округа. В этой должности он находился вплоть до 1821 г. Тогда же, в 1810 г. он стал членом Императорской Академии наук, а в 1818 г. был избран ее президентом [12, с. 16]. В этот период продолжается и активная научная работа С.С. Уварова. Настоящую европейскую славу ученого принесло ему "Исследование об Элевсинских таинствах" [18], вышедшее в 1812 г. на французском языке и впоследствии неоднократно переиздававшееся как в России, так и за рубежом. За этот труд Французская академия избрала С.С. Уварова своим членом – первым и единственным из русских ученых [12, с. 19].

Как попечитель Санкт–Петербургского учебного округа и президент Императорской Академии наук С.С. Уваров явился создателем нескольких записок, имеющих большое значение для характеристики его общественно–политических взглядов в царствование Александра I. Одна из них – "О преподавании истории относительно к народному воспитанию" [21, с. 204–213] – была издана отдельной брошюрой на французском языке в

1813 г. Основную мысль записки автор выразил следующим образом: "В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное" [21, с. 204]. Исходя из этого, С.С. Уваров давал конкретные указания и рекомендации, касающиеся преподавания Всемирной и Отечественной истории на той или иной ступени образования – в народных училищах, в гимназиях и в университетах. Отмечая особенности преподавания истории в разных учебных заведениях, автор записки, тем не менее, выдвигал общие для всех требования. Во-первых, исторические события и процессы должны рассматриваться, по мнению С.С. Уварова, сквозь призму религии и философии. Благодаря этому всемирный исторический процесс приобретет стройность и ясность. Во-вторых, изучение истории должно "возбуждать и сохранять народный дух", культивировать ту самобытность, на которую "ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши". И, наконец, последнее – преподаванию истории С.С. Уваровым отводилась роль проводника политики правительства и исполнителя "его высоких намерений" [21, с. 212]. Спустя два десятилетия все эти принципы в более четкой и конкретной форме нашли свое воплощение в знаменитой триаде "Православие. Самодержавие. Народность", на которой С.С. Уваров предлагал основывать образование в России.

Тема преподавания истории и ее роли в формировании государственной идеологии была затронута С.С. Уваровым и в "Речи президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта, 1818 года" [27]. Эту "Речь..." можно считать программным и одновременно самым противоречивым официальным документом, вышедшим из-под пера С.С. Уварова в царствование Александра I. С одной стороны ее автор вновь заявил о своей приверженности к некоторым высказанным ранее идеям и теориям, которые можно считать элементами консервативного мировоззрения. Речь идет, прежде всего, о необходимости глубокого и интенсивного изучения в России Азиатского региона. Это, по мнению С.С. Уварова, помимо прочего, соответствует ее национальным интересам, определяя ключевое направление ее внешней политики [27, с. 251–260]. Политическая и интеллектуальная ориентация на Восток могла рассматриваться им и в качестве естественного противовеса доминированию Запада, который предстал перед традиционными обществами в образе "совершенного хаоса" [27, с. 257]. Много внимания уделял попечитель Санкт-Петербургского учебного округа и своему пониманию исторического процесса. Он развил высказанную им ранее [21, с. 212] органическую теорию, представляющую историю государств и народов как смену фаз развития, свойственных всем живым организмам (рождение – детство – зрелость – старость).

С.С. Уваров был одним из наиболее последовательных сторонников этой теории, которую он воспринял у идео-

логов немецкого романтизма. Впоследствии органическая теория стала распространенным атрибутом русского консерватизма, достаточно вспомнить взгляды Ф.И. Тютчева, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева. В соответствии с этой теорией С.С. Уваров заявлял: "Государства имеют свои эпохи возрождения, свое младенчество, свой совершенный возраст и, наконец, свою дряхлость". При этом роль "попечительного правительства" состоит в том, чтобы смягчать "переходы одного возраста к другому", "охранять неопытность", открывать "способности ума", предупреждать "опасности и заблуждения", свойственные юному возрасту [27, с. 271]. Таким образом, С.С. Уваров выступал сторонником постепенного развития государства и общества, без революционных взрывов и потрясений. При этом ведущая роль в данном процессе отводилась правительству – инициатору и регулятору социальных и политических процессов в государстве. В "Речи..." свою дальнейшую эволюцию претерпела и русская триада, приобретая более узнаваемые черты. Так, касаясь вопроса о цели познания истории, С.С. Уваров заявлял, что она должна состоять в том, чтобы "более любить свое отечество, свою веру, своего государя" [27, с. 271]. Тем самым, он подчеркивал главные принципы, которыми следует руководствоваться в своей жизни каждому русскому подданному.

С другой стороны, в той же "Речи..." наряду с демонстрацией консервативных взглядов, С.С. Уваров сделал смелое заявление со ссылкой на известного либерала лорда Т. Эрскина о том, что политическая свобода является "последним и прекраснейшим даром Бога". Этот дар, по словам английского оратора, "приобретается медленно, сохраняется неусыпную твердостью; он сопряжен с большими жертвами, с большими утратами" [27, с. 267]. Как заметил по этому поводу Н.И. Греч, впоследствии за эти слова С.С. Уваров "сам себя посадил бы в крепость" [5, с. 219]. Вероятно, упомянув в своей "Речи..." о политической свободе, автор всего лишь хотел включить ее в контекст либеральной политики Александра I. Как справедливо заметил в свое время Н.П. Барсуков, эта "Речь..." была произнесена С.С. Уваровым вслед за открытием Варшавского сейма в феврале 1818 г., когда "из уст самого государя раздались свободололюбивые обеты" [1, с. 228]. Современные специалисты так же склонны считать либеральные высказывания С.С. Уварова, прозвучавшие 22 марта 1818 г., откликом на речь императора Александра I от 15 марта 1818 г., заявившего в Варшаве о своих намерениях в перспективе даровать конституцию всей России [31, с. 530]. Примечательно, что ни до, ни после своей мартовской "Речи..." 1818 г. С.С. Уваров не демонстрировал в своих текстах либерализм столь явно и откровенно.

За эту "минутную слабость" С.С. Уварова часто обвиняют в беспринципности и приспособленчестве, подчеркивая, что его общественно-политические взгляды во многом определялись карьерными соображениями [15,

с. 678; 4, с. 4, 10, 146; 13, с. 21]. Факты его государственной деятельности свидетельствуют о другом. Причиной отставки С.С. Уварова с высоких государственных постов – попечителя Санкт–Петербургского учебного округа в царствование Александра I и министра народного просвещения в царствование Николая I – был его отказ действовать вопреки совести и своим принципам.

В действительности вопрос о взглядах С.С. Уварова в царствование Александра I не так прост и однозначен. Основная часть текстов, появившихся из–под его пера в этот период не слишком информативна для характеристики его общественно–политической позиции, так как в основном представляет собой научные труды, а также официальные или полуофициальные выступления государственного чиновника высокого ранга, вынужденного оглядываться на мнение высшего начальства. Для характеристики взглядов С.С. Уварова довольно точным представляется определение А.Л. Зорина, назвавшего его просвещенным консерватором "в духе Н.М. Карамзина" [9, с. 82]. По всей видимости, это определение справедливо и для мировоззрения С.С. Уварова уже в царствование Александра I. Ряд же его либеральных высказываний этого периода носили преимущественно ситуативный характер. То, что С.С. Уваров остался за пределами мощного консервативного движения Александровского царствования объясняется своеобразием его консерватизма, который испытал на себе значительное влияние идей немецкого романтизма. Во многом благодаря этому, он стоял особняком среди таких ранних консерваторов, как Г.Р. Державин, А.С. Шишков, Ф.В. Ростопчин, С.Н. Глинка и др. Все эти теоретики и практики раннего русского консерватизма имели слабо выраженную интеллектуальную связь со своими европейскими единомышленниками, в силу чего их идейный багаж отличался большей национальной самобытностью и независимостью. С.С. Уваров же еще в первой четверти XIX столетия идейно был ближе консерваторам следующего поколения, которые заявили о себе в царствование Николая I.

Начальный период николаевского царствования ознаменовался крупными политическими событиями, которые не могли не оказать влияния на мировоззрение С.С. Уварова. Речь идет о восстании декабристов и июльской революции 1830 г. во Франции. В результате, к началу 30–х гг. XIX в. его консерватизм приобрел большую ясность и остроту, а отношение к Западной цивилизации стало еще более резким. Вероятно, С.С. Уваров делился своими переживаниями и страхами, когда вскоре после революционных событий во Франции писал следующее: "Июльская революция, уничтожившая столько явлений, покончила в Европе, по крайней мере, на полстолетия со всеми идеями общественного прогресса и политического совершенствования. Она потрясла тех, кто тверже всего верил в будущее народов, вовлекла их в бесчисленные заблуждения, заставила усомниться в себе самих. После 1830 года нет мыслящего человека, который

хотя бы однажды не спрашивал себя с удивлением, что же такое эта цивилизация?" [24, с. 96]

В 1832 г. С.С. Уваров был назначен товарищем министра народного просвещения при графе К.А. Ливене, а год спустя возглавил это ведомство сначала в качестве управляющего этим министерством, а с 1834 г. уже в ранге министра [2, стб. 2105]. На этом посту он явился создателем знаменитой консервативной доктрины, которая нашла свое выражение в формуле "Православие. Самодержавие. Народность", ставшей официальной идеологией в царствование Николая I. Следы этой доктрины можно найти в целом ряде документов, вышедших из–под его пера в период с 1832 по 1849 г. Наиболее информативными для анализа данной идеологической системы являются несколько официальных и полуофициальных текстов этого периода. Прежде всего, речь идет о черновике меморандума Николаю I [24], появившемся в марте 1832 г., вскоре после назначения С.С. Уварова товарищем министра народного просвещения. Этот документ был опубликован в 1997 г. исследователем уваровской доктрины А.Л. Зориным [8; 9]. Меморандум, по видимому, содержит самое раннее из всех известных упоминаний о триаде [8, с. 343] в том виде, в котором она стала эмблемой русской национальной идеи. Следующими по времени создания являются "Всепогоднейший доклад управляющего Министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 года" [16], который был подготовлен С.С. Уваровым уже в качестве исполняющего обязанности главы Министерства народного просвещения, а также записка "О средствах сделать Народное Воспитание специальным, не отступая от общих видов оно" [22] (датована М.М. Шевченко 1833 г. [28, с. 227]). Оба документа в разное время ввел в научный оборот исследователь министерской деятельности С.С. Уварова М.М. Шевченко [6, с. 29]. В этот же ряд следует поставить и доклады о работе Министерства народного просвещения – за 5 [23] и 10 лет [17] министерской деятельности С.С. Уварова. Поскольку все эти документы отличаются друг от друга обстоятельствами и временем появления, а также адресатом и общим содержанием, то они могут дополнять друг друга при реконструкции уваровской доктрины.

В хронологически наиболее раннем из указанных выше документов – письме Николаю I – С.С. Уваров дал развернутое объяснение причин появления консервативной доктрины. Основанием для ее создания стала духовная и общественно–политическая ситуация, сложившаяся в Европе в результате июльской революции во Франции. По словам С.С. Уварова, после 1830 г. западные интеллектуалы, духовно дезориентированные и морально подавленные, должны были признать, что "у общества нет более политических, нравственных и религиозных убеждений". Россия же "пока избежала подобного унижения. – Продолжал он. – Она еще хранит в своей груди убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные – единственный залог ее блаженства, останки

своей народности, драгоценные и последние останки своей политической будущности". С.С. Уваров возлагал на правительство обязанность собрать воедино разрозненные части русской народности (религиозные, политические и нравственные убеждения), и образовать из них "тот якорь, который позволит России выдержать бурю". По мнению автора, сделать это можно с помощью воспитания и образования, основанных на так называемых национальных началах и одновременно отвечающих требованиям времени и обстоятельств, чтобы с одной стороны – "идти в ногу с Европой", а с другой – "не удалиться от нашего собственного места" [24, с. 97].

Национальные начала, без которых русское государство "не может благоденствовать, усиливаться, жить" и составляют знаменитую триаду: "Православие. Самодержавие. Народность" [17, с. 347]. В разных текстах определение первого элемента триады варьировало между "национальной религией" [24, с. 97], "религией предков" [22, с. 233], "православной верой" [16, с. 70] и "православием" [17, с. 347]. Использование в письме к императору (1832 г.) термина "национальная религия" вместо "православия" натолкнуло А.Л. Зорина на мысль об "очевидном конфессиональном индифферентизме" С.С. Уварова, которому "решительно безразлично, о какой именно вере и какой церкви идет речь", главное – их укорененность "в истории народа и политической структуре государства" [9, с. 86]. Это явное преувеличение. Несмотря на свое культурное западничество, С.С. Уваров всегда придавал особое значение непоколебимости основ православной веры. В 1821 г. в связи с запрещением книги профессора А.К. Куницына "Естественное право" он писал: "Я всегда думал и ныне думаю <курсив мой. – А.М.>, что всякое учение, всякое действие, явное или скрытое, противное догматам Православной Греко-Российской Церкви, или клонящееся поколебать существующий порядок и ослабить любовь и доверенность к Трону <...>, должны обращать на себя внимание правительства и внушать ему меры предосторожности" [цит. по: 30, с. 102]. И хотя за годы министерской деятельности отношение С.С. Уварова к православной Церкви претерпело определенную эволюцию, однако это скорее касается сферы личной религиозности, проблемы воцерковленности, а не его взглядов на значение православия в жизни русского народа.

Итак, православие по С.С. Уварову является двигателем, средоточием жизни, как всего государства и всего русского народа, так и жизни отдельного человека. Подрыв православия в России приведет, по его мнению, к ее духовной и политической деградации, откату к дикости. "Без любви к Вере предков, народ, как и частный человек, должны погибнуть; – писал он, – ослабить в них Веру, то же самое, что лишать их крови и вырвать сердце. Это было бы готовить им низшую степень в моральном и политическом предназначении. Это было бы измена в простом смысле. Довольно одной народной гордости,

чтобы почувствовать негодование при такой мысли. Человек, преданный Государю и Отечеству, столько же мало согласится на утрату одного из догматов нашей Церкви, сколько и на похищение одного перла из венца Мономаха" [16, с. 71].

Второй элемент триады – самодержавие – является, по мнению С.С. Уварова, основой ее политического бытия, непременным условием ее существования в настоящем виде. "Пусть мечтатели обманывают себя самих и видят в туманных выражениях какой-то порядок вещей, соответствующий их теориям, их предрассудкам; – продолжал он свою мысль, – можно их уверить, что они не знают России, не знают ее положения, ее нужд, ее желаний. Можно сказать им, что от сего смешного пристрастия к Европейским формам мы вредим собственным учреждениям нашим; что страсть к нововведениям расстраивает естественные сношения всех членов Государства между собою и препятствует мирному, постепенному развитию его сил. Русский колосс упирается на самодержавии, как на краеугольном камне; рука, прикоснувшаяся к подножию, потрясает весь состав Государственный. Эту истину чувствует неисчислимое большинство между Русскими; они чувствуют оную в полной мере, хотя и поставлены между собой на разных степенях и различествуют в просвещении и в образе мыслей, и в отношениях к Правительству" [16, с. 71]. В черновике меморандума Николаю I С.С. Уваров изобразил конкретные последствия утраты Россией самодержавия. Он считал, что любое ограничение самодержавной власти, введение народного представительства на европейский манер и разрушение сословного строя приведут к тому, что "колосс не протянет и двух недель, более того, он рухнет прежде, чем эти ложные преобразования будут завершены" [24, с. 98]. То, что эта "истина", по мнению С.С. Уварова, очевидна для большинства русских, подчеркивала национальный характер самодержавной власти, ее органическую связь с русским народом. Помимо сплочения русской нации вокруг царского трона, по мнению идеолога, роль самодержавия заключалась в создании и укреплении величайшей империи мира. В одном из юбилейных докладов о деятельности Министерства народного просвещения он писал следующее: "Самодержавие соединило расторгнутые члены государства, у врачевало язвы его, дало ему единство и упрочило его целостность в такой огромной массе, которой не было в истории мира ничего подобного..." [23, с. 7–8].

Третий элемент триады, не менее важный, чем предыдущие два – народность – С.С. Уваров считал наиболее трудным для определения [24, с. 98; 16, с. 71]. Вслед за ним на сложность интерпретации "народности" в контексте его доктрины указывали и многочисленные исследователи [30, с. 106; 10, с. 103; 12, с. 29]. Пожалуй, самое неожиданное и оригинальное объяснение этому понятию дал А.Н. Пыпин, который и ввел в свое время в научный оборот термин "официальная народность" [14, с. 5]. В

своих рассуждениях об уваровской доктрине он поставил знак равенства между понятиями "народность" и "крепостное право" [29, с. 91]. Несостоятельность подобной концепции очевидна. Сам С.С. Уваров об этом "спорном" понятии своей доктрины писал следующее: "Относительно Народности, все затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Безумно было бы противиться сему периодическому ходу вещей; довольно того, если мы не будем добровольно скрывать лицо под искусственной и нам не сродной личиной; если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если мы примем их за основную мысль Правительства, особенно в отношении к Народному Воспитанию. Между обветшалыми предрассудками, восхищающимися единственно тому, что было у нас за полвека и новейшими предрассудками, которые без жалости стремятся к разрушению существующего, посреди сих двух крайностей, находится обширное поле, на коем здание нашего благосостояния – твердо и невредимо укрепиться может" [16, с. 71]. Из рассуждений С.С. Уварова о народности в контексте его доктрины можно заключить, что под этим термином он понимал не что иное как национальную самобытность и национальное самосознание, включающие в себя и связь с национальными традициями, и историческую память, и представления о своем особом пути. Недавно в одном из официальных текстов, касаясь триады, он заменил абстрактное понятие "народность" на более конкретное – "дух русский" [23, с. 7].

Цель построения национальной системы образования на принципах "Православия. Самодержавия. Народности" С.С. Уваров видел "в восстановлении в нас Святой Руси, но уже не в прежнем ограниченном виде, а в нынешнем, достойном великой Монархии и всеобщих успехов обра-

зованности" [23, с. 3–4]. В его представлении, это было реальной альтернативой тому пути, по которому шла Европа, сотрясаемая революциями. Однако на успех своего дела он смотрел с большим пессимизмом. "Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении, – заявлял он, – мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно" [11, с. 362]. Однако С.С. Уваров вынужден был уйти в отставку значительно раньше (1849 г.), чем он смог увидеть и оценить плоды своих трудов на ниве народного просвещения.

Роль С.С. Уварова в истории русского консерватизма трудно переоценить. Он представляет собой яркий пример консерватора, который не только явился создателем мощной охранительной идеологии, но и имел возможность воплощать ее в жизнь на практике в масштабах государственной политики. Подобный опыт в истории отечественного консерватизма представляет собой скорее исключение, чем норму. Следует подчеркнуть и значение С.С. Уварова в поддержании преемственности между отдельными этапами развития консервативной мысли в России. Будучи идейным последователем Н.М. Карамзина, он еще в первой четверти XIX в. выступил связующим звеном между разными поколениями (и разными типами) консерваторов – Александровского и Николаевского царствований. Если говорить о последователях С.С. Уварова, то следует упомянуть о группе правых интеллектуалов – профессоров Московского университета (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, Н.Г. Устрялов и др.), в научной и педагогической деятельности которых консервативная доктрина получила свое дальнейшее развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсуков Н.П. С.С. Уваров и адмирал Шишков // Русский архив. 1882. Кн. III. С. 226–228.
2. Биографическое известие // Русский архив. 1871. № 12. Стб. 2103–2107.
3. Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 кн. Кн. 2. М., 2003. 752 с.
4. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. 350 с.
5. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990. 392 с.
6. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I / публ. М.М. Шевченко // Река времен. Вып. 1. М., 1995. С. 68–78.
7. Дурьлин С. Г–жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33–34. С. 215–330.
8. Зорин А. Заветная триада. Меморандум С.С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины "православие – самодержавие – народность" // Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
9. Зорин А. Идеология "православия – самодержавия – народности": опыт реконструкции. (Неизвестный автограф меморандума С.С. Уварова Николаю I // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 71–104.
10. Иванов О.А. Идеология "православие, самодержавие, народность" С.С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. трудов. Вып. 1 / под ред. А.Ю. Минакова. Воронеж, 2001. С. 92–110.
11. Никитенко А.В. Записки и дневник: в 3 т. Т. 1. М., 2004. 639 с.

12. Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013. 81 с.
13. Парсамов В.С., Удалов С.В. Сергей Семенович Уваров // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С.
14. Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1890. 519 с.
15. Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 577–726.
16. Уваров С.С. Всеподданнейший доклад управляющего министерством народного просвещения от 19 ноября 1833 года // Река времен. Вып. I. М., 1995. С. 68–78.
17. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 361–364.
18. Уваров С.С. Исследование об Элевсинских таинствах Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 97–154.
19. Уваров С.С. Князь де Линь // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 334–345;
20. Уваров С.С. Мадам де Сталь // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 521–530.
21. Уваров С.С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 204–213.
22. Уваров С.С. О средствах сделать Народное Воспитание специальным, не отступая от общих видов оного // Шевченко М.М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 231–237.
23. Уваров С.С. Обзорение действий правительства за истекшее пятилетие // Журнал министерства народного просвещения. 1839. № 1. С. 1–36. С. 7–8.
24. Уваров С.С. [Письмо Николаю I] // Новое литературное обозрение. 1997. № 26. С. 92–100.
25. Уваров С.С. Штейн и Поццо-ди-Борго // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 478–488.
26. Уваров С.С. Проект Азиатской академии // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 65–95.
27. Уваров С.С. Речь президента Императорской академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта, 1818 года // Уваров С.С. Избранные труды / автор переводов В.С. Парсамов, сост., авторы вступ. ст., коммент. В.С. Парсамов, С.В. Удалов. М., 2010. С. 252–271.
28. Четыре служебных документа министра С.С. Уварова // Шевченко М.М. Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003. С. 227–254.
29. Шевченко М.М. Понятие "теория официальной народности" и изучение внутренней политики императора Николая I // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2002. № 4. С. 89–104.
30. Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95–136.
31. Шевченко М.М. Уваров С.С. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 529–534.

©А.О. Мещерякова, (agina-m@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

